А. С. БОГОМОЛОВ КАК ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ

А. Н. Антонов, А. Ф. Зотов

Труды А. С. Богомолова (1927—1983), воспитанника и профессора кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ, представляют собой весомый вклад в советскую историко-философскую науку. Пожалуй, можно без преувеличения сказать даже больше — они могут рассматриваться в качестве определенного этапа в развитии марксистской истории философии как науки.

Можно, конечно, в хронологическом порядке перечислить книги и основные статьи А. С. Богомолова, и в первом приближении это тоже позволит охарактеризовать его место в истории философии: его перу принадлежит первый в нашей литературе подробный критический разбор общих моментов теории познания, онтологии и «метафизики» английской и американской буржуазной философии второй половины XIX — первой половины XX в. (см. кн.: Англо-американская буржуазная философия. М., 1964). Работа эта была продолжена применительно к немецкой философии того же периода в труде «Немецкая буржуазная философия после 1865 г.» (М., 1969). На протяжении последующего десятилетия автор углубил исследования этого предмета, существенно дополняя и частично пересматривая содержание предыдущих книг (в особенности первой из названных). В итоге появляются «Английская буржуазная философия XX в.» (1973) и «Буржуазная философия США XX в.» (1974), где автор базируется на значительно более богатом материале первоисточников (достаточно сказать, что количество цитируемых оригинальных работ здесь увеличивается более чем вдвое) и где пристальное внимание уделено уже не только общим чертам, связывающим буржуазную философию этих двух стран (а тем самым и вообще философию «Нового» и «Старого» света), но и важным отличиям в содержании и тенденциях буржуазной философии в этих странах. В итоге А. С. Богомолов становится не только признанным, но, пожалуй, ведущим специалистом в области англо-американской философии нашего столетия. Вряд ли кто другой из наших историков философии, занимавшихся тем же предметом, был столь детально знаком с источниками, включая даже второстепенные работы (которые, кстати, очень часто способны

дать теоретически мыслящему исследователю больше информации о тенденциях и закономерностях философского мышления определенного региона, чем содержание книг «классиков»). Это постепенно позволило А. С. Богомолову стать в центре своеобразной школы историков философии: его многочисленные аспиранты с самого начала оказывались ориентированными на перспективные проблемные области, на исследование действительно значительных фигур в буржуазной философской мысли Англии и США — фигур, которые доселе оставались у нас в тени,— на изучение тенденций, которые только формировались в развитии соответствующих течений.

Казалось бы, достигнуто все, о чем может мечтать вузовский преподаватель истории философии. И «внезапно» (мы пишем это слово в кавычках, поскольку, как надеемся показать, это было на деле глубоко детерминировано методологическими задачами, которые ставил перед собой исследователь в своем движении по материалу) произошла решительная смена тематики — в свет вышла книга А. С. Богомолова «Диалектический логос», посвященная проблеме становления античной диалектики. Разумеется, коллеги А. С. Богомолова по кафедре и люди, знакомые с его научной деятельностью достаточно близко, были к такой перемене подготовлены, поскольку автор «Диалектического логоса» уже ряд лет читал на философском факультете курс лекций по истории древней философии. Однако и сама такая смена лекционного курса нуждается в объяснении, поскольку она не была вызвана, так сказать, административными причинами, а являлась своеобразным симптомом процесса постижения глубинных механизмов развития философской мысли.

В самом деле, обратим внимание на те принципиальные вопросы, которые поставил перед собой А. С. Богомолов в книге 1964 г. «Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма»:

«... целесообразно ли объединять философские теории, существующие в этих двух странах современного империалистического мира, в один объект исследования; с другой стороны, можно ли вообще рассматривать в эпоху империализма национальную идеологию отдельных стран или групп стран?» [1]

Ответ на этот вопрос предполагал исследование связи идеологии вообще (и философии в частности) с культурой, языком, политическими структурами и т. п., не говоря уже об экономических, производственных отношениях. И в различных аспектах тема эта присутствует фактически во всех последующих работах по истории буржуазной философии, включая принадлежащие А. С. Богомолову главы в коллективных трудах. (Может быть, следовало бы упомянуть особо главу «Кант, кантианство и европейская философия XIX в.» в книге «Кант и кантианцы»

[1] *Богомолов А. С.* Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма. М., 1964. С. 3.

(М., 1978), ответственным редактором которой он был. Здесь *детально,* на материале «второстепенных» кантианцев, эпигонов великого философа, обсуждается вопрос об общем облике и функциях европейского философского мышления, о его культурно-политической и социально-экономической базе, его связи с культурной традицией, об относительно самостоятельных моментах его движения.) Охватывая все более обширные как в географическом, так и в историческом плане регионы (и по ходу дела решая «техническую» задачу овладения нужными языками), А. С. Богомолов сначала спорадически, так сказать, мимоходом, а затем все более специально разрабатывает тему (вероятно, вечную для философа), о предмете, функциях и тенденциях развития философии как формы общественного сознания. А это значит, что он просто не мог не прийти как историк философии к исследованию первоистоков философии — к философии древних греков. И его последняя изданная при жизни книга — «Диалектический логос» была необходимой ступенью теоретического осознания проблемы сущности, смысла философии вообще. В книге этой речь идет именно об античной *диалектике*, т. е. о методах философствования в самих истоках последнего: во-вторых, автор делает попытку предложить не очередной *исторический* очерк (хотя, как верно отмечает в Предисловии он сам, даже очерков такого рода «скорее слишком мало, чем слишком много» [2]), а как раз *теоретическую* концепцию становления диалектического метода.

«Наша задача,— сказано в Предисловии,— состоит прежде всего в том, чтобы найти такое определение предмета исследования, которое было бы достаточно общим и абстрактным, чтобы охватить все основное в проблемном поле, а значит, выявить не только ту важнейшую и решающую тенденцию, которая ведет к научной диалектике — диалектике как общей теории развития, но и те тенденции и традиции, которые мы сегодня не прочь исключить из теории диалектики, а то и из истории философии вообще и отнести к религиозно-мифологическому и мистическому» [3].

Эта *теоретическая* задача определила в исследовании по древне*греческой* диалектике обращение и к древне*индийским* источникам, а также множество текстовых исправлений в распространенных переводах древнегреческих авторов (мы хотели бы специально подчеркнуть, что в каждом случае коррекции перевода А. С. Богомолов приводит контекстуальные и теоретические основания предлагаемого исправления — ощутимое доказательство плодотворности научно-теоретического подхода к тексту!).

Хотелось бы обратить внимание также на важное (хотя и «количественное» — в методологическом аспекте) отличие, кото-

[2] *Он же.* Диалектический логос. М., 1982. С. 3.
[3] Там же.

рое существует между первыми его двумя книгами («Англо-американская буржуазная философия» и «Немецкая буржуазная философия после 1865 г.») и последней. Там «рассмотрение основных течений буржуазной философской мысли осуществляется путем создания «философских портретов» крупнейших их представителей, предваряемых (или дополняемых) общей характеристикой течения, анализом исторических корней или обобщающих работ, имевших значение «манифеста» того или иного течения» [4]. В книге «Диалектический логос» подобных «портретов» мы уже не находим. Даже более того: в тех (нечастых) случаях, когда дается нечто похожее на «философский портрет» («Гераклит Эфесский»), автор не только показывает свой путь к теоретической реконструкции взглядов Гераклита (существующие точки зрения, основания авторского предпочтения определенного прочтения того или другого фрагмента, причины отвержения или коррекции других прочтений), но и заключает параграф примечательным замечанием: для того чтобы «более основательно осветить структуру той картины космоса, которую построил Гераклит, «формализовать» в меру возможности его диалектику и обнаружить диалектику Гераклитова «Логоса», невидимую пока что при непосредственном его рассмотрении нужно обратиться к учениям, противостоящим ионийской философии с ее тезисом о возникновении всех вещей из некоего начала и возвращении их, по уничтожении, в то же самое начало» [5]. Но это значит, что цель автора теперь — не создание «философских портретов», а реконструкция скрытой «аксиоматики» философской школы. Соответственно цель эта недостижима, если ограничиться высказываниями вождя направления, даже если они могут трактоваться как его «манифест»: нужно обращаться и к его противникам, выступающим в отношении сущности исследуемой философской позиции как «ее иное», если воспользоваться гегелевским выражением.

В свете сказанного становится закономерной и эволюция проблематики тех позитивных (в смысле — не историко-философских) разработок в области логики, теории познания, диалектики, которые мы находим в творческом наследии А. С. Богомолова. Сначала это контекстуальные противопоставления марксистских философских решений тех или иных проблем ответам, которые пытаются дать представители буржуазных философских школ. Автор (думается, уже тогда в значительной мере из-за присущей ему скромности) полагает, что посредством подобных противопоставлений он достигает единственной цели — «показать — хотя бы в самой общей форме — преимущества ее (философии диалектического материализма.— *А. А., А. З.*) в решении тех же проблем. Автор сочтет свою задачу в какой-то степени выполнен-

[4] *Он же.* Англо-американская буржуазная философия... С. 5.
[5] *Он же.* Диалектический логос. С. 76.

ной, если книга в этой связи окажет помощь в развитии марксистской философской мысли» [6].

Установка автора «Диалектического логоса» существенно иная. За спиной А. С. Богомолова уже многолетняя работа по истории философии, по теоретическому анализу тех проблем, которые обсуждаются представителями буржуазных философских школ, по выявлению их исторических и социальных истоков, их социокультурных контекстов. Поэтому исследование истории античной диалектики, естественно, выступает для него и как «обсуждение вопросов, имеющих отношение к диалектике в современном смысле слова» [7]. А это предполагает необходимость «опираться на определенную современную концепцию диалектики, и прежде всего *концепцию противоречия и его разрешения*» [8].

А. С. Богомолов совершенно четко формулирует здесь теоретический аспект своего исследования: «Задача реконструкции ранне-греческой диалектики облегчается, но в каких-то отношениях и усложняется для автора тем, что целью предлагаемой книги является не чисто-историческое изложение, но теоретическая картина становления диалектики» [9].

Благодаря такой *теоретической* установке меняет свой облик все историко-философское исследование. Оно не только перестает быть галереей философских портретов (об этом мы уже говорили выше), его хронология становится, так сказать, объемной, время делается для читателя прозрачным, историческая эпоха, находящаяся в фокусе внимания, ощутимо связанной не только с ее непосредственным прошлым, но в неменьшей степени и со своим отдаленным будущим. Только вследствие такой хронологической объемности картина исторического объекта становится сплетением его существенных связей. Как пишет А. С. Богомолов, создание теоретической картины древнегреческой диалектики «требует обращения к проблемам и решениям, не содержащимся явно в самой эллинской мысли. Они вырисовываются где-то в последующем развитии диалектики, как античной (Платон, Аристотель, неоплатоники), так и нового времени и современности, и бросают иной раз совершенно неожиданный луч света на, «казалось бы», известные вещи» [10].

Мы уже говорили, что теоретическая концепция диалектики, которой придерживается А. С. Богомолов, не только наложила свой отпечаток на выбор цитат первоисточников, которые были использованы в книге, но и нашла выражение в многочисленных коррекциях «общепринятых» переводов — сам перевод оказался результатом теоретической реконструкции. Но хотелось бы обратить внимание также на выбор «второисточников», комментатор-

[6] *Он же.* Немецкая буржуазная философия после 1865 г. С. 3—4.
[7] *Он же.* Диалектический логос. С. 10.
[8] Там же. С. 10. (Курсив автора).
[9] Там же.
[10] Там же.

ской литературы, которую упоминает автор. Теперь уже никак не скажешь, что она демонстрирует эрудицию автора или диктуется конъюнктурными соображениями сегодняшнего дня. Круг таких авторов достаточно ограничен, и «ультрасовременные» зарубежные источники вовсе не превалируют среди цитируемых. Но зато используются работы, казалось бы никак не имеющие непосредственного отношения к предмету, вроде «Основ химии» Д. И. Менделеева или «Популярной комбинаторики» Н. Я. Виленкина. Но в итоге, если использовать ставший стандартным образ, ни «лес» не заслоняется «деревьями», ни «деревья» не растворяются в «лесу»: А. С. Богомолов полемизирует или соглашается с *конкретными* авторами, но такими, которые представляют историко-философские *концепции*, при этом и те и другие ощутимо «живут» в поле культуры своего времени.

Затрагивая тему античности, нельзя не упомянуть еще об одной работе А. С. Богомолова, изданной уже посмертно,— «Античная философия» (Изд-во МГУ, 1985 г.), представляющей собой, по существу (пишем так, поскольку соответствующего «грифа» книга не имеет), учебное пособие для студентов и аспирантов философских факультетов. В одном, сравнительно небольшом, томе (23 а. л.) не только систематически представлена вся (!) история античной философии, начиная от ее становления и кончая закатом — неоплатонизмом Сирийской и Афинской школ, но и изложена она поразительно лаконично и четко, и вместе с тем живо и всесторонне, с использованием огромного числа источников и первоисточников. Быть может, самое важное здесь то, что автор сумел показать органическое и вместе с тем противоречивое единство процесса развития античной философии как высшего выражения культуры своего времени в ее связи с развитием экономики и политики античного мира, задавшим вектор развитию всей мировой цивилизации. Отсюда — «нестандартная» периодизация, которую автор предложил, и многочисленные корректировки переводов античных авторов,— корректировки, обусловленные вовсе не филологическими неточностями в уже имеющихся переводах, а глубоким пониманием смысла философской концепции, который открывается только профессионалу, способному понимать философские построения и размышления в контексте существенных социокультурных связей. Только методологическое зрение позволяет судить о том, какой перевод оправдан, т. е. соответствует смыслу концепции, какой маловероятен, а какой просто ошибочен, даже если представляется калькой оригинала. Причем, проводя свои корректировки, А. С. Богомолов говорит и об их основаниях. В результате труд его предстает отнюдь не только в качестве корректного источника упорядоченных сведений об античных философах и истории философии как процесса, но и оказывается предметным уроком методологии изучения первоисточников,— уроком, весьма ценным не только для студентов и начинающих исследователей, но и для опытных специалистов, и отнюдь не только в истории древней философии.

Творческий портрет А. С. Богомолова был бы неполным, если бы мы оставили без внимания его многочисленные статьи и доклады на конференциях и симпозиумах. Такого рода жанр научной работы для зрелого ученого, пожалуй, представляет значительно большие трудности в интеллектуальном плане, чем многостраничные публикации. И потому как раз в статьях особенно ощутимы «почерк мастера» и основные линий развития его мышления: печатный лист журнальной статьи должен содержать ясно сформулированную *новую идею* (для настоящего ученого изложение такой идеи подобно айсбергу, 9/10 материала которого остаются скрытыми от глаз читателя), причем идея эта должна быть *понятной* хотя бы для специалистов (что вовсе не просто) и хорошо аргументированной, т. е. прежде всего защищена от неверного толкования и опровержения с помощью «контрпримеров». Новичок в науке обычно таких трудностей просто не ощущает — он «защищен» от такой неприятности собственным невежеством, а также эйфорией, отличающей первооткрывателя проблемы. По этим причинам очень различны «по весу» (как правило, конечно) статьи зрелых ученых и новичков, хотя это далеко не всегда и не всем бросается в глаза.

Мы, естественно, не можем предложить здесь сколько-нибудь подробный анализ этой стороны научного наследия А. С. Богомолова и вынуждены ограничиться лишь немногими примерами, каждый из которых, однако, представляет достаточно ярко тот или другой аспект этой деятельности.

Вот статья «Диалектика и рациональность» (Вопр. философии. 1978. № 7). Указав в общих чертах причины того, что проблема рациональности (главная тема XVI Всемирного философского конгресса) оказалась одной из центральных для современной философии, и сознательно ограничившись обсуждением *научной* рациональности, А. С. Богомолов развертывает широкую картину этого проблемного поля в зарубежной философии второй половины нашего века и его центральной области — альтернативы «двух культур», сциентистской «рациональности», с одной стороны, и иррационалистического «антропологизма» — с другой. Выделив главную тенденцию в обсуждении этой темы буржуазными философами — попытку отвергнуть самоё возможность философского мировоззрения, опирающегося на научное знание, автор подвергает убедительной критике подобную установку, противопоставляя ей концепцию «рациональной диалектики». Применение ее, как пишет автор, «позволяет, с одной стороны, последовательно и полно осуществить принцип научной рациональности, а с другой — совместить различные типы духовного освоения мира, синтезировав их в единой картине мира и человека — картине, немыслимой вне научного познания мира, но одновременно вне учета всех форм освоения мира человеком» [11].

И, далее, в тезисной форме дается ряд нетривиальных положений об отношении логики формальной и логики («рациональ-

[11] Вопр. философии. 1978. № 7. С. 104.

ности») диалектической. В заключение автор делает вывод как о том, что в настоящее время назрела необходимость пересмотреть классическое понятие рациональности, так и о направлениях такого пересмотра: «...нас не могут удовлетворить ни рациональность без субъекта, ни субъект без рациональности, ни рациональность наряду с субъектом» [12]. Где же выход?

«Решение проблемы состоит в том, что *знание* должно превращаться и превращается в *убеждение*, *истина в правду* и, наоборот, жизненные убеждения, рождаемые повседневным опытом, практикой, если они истинны, должны находить подтверждение в научном знании» [13].

Итак, в одной статье — характеристика проблемы, ее места в современной идеологии, позиции сторон в обсуждении проблемы, схема ее решения и, наконец, программа детальной разработки этого решения.

К вопросу о рациональности в современной философии, науке, культуре, практической деятельности А. С. Богомолов обращается в своих статьях неоднократно. Уже после философского конгресса он снова обсуждает эту тему в форме своеобразного теоретического отчета о работе конгресса (Вопр. философии. 1979. № 4). Здесь полемика течений, тенденций, обозначенная в статье 1978 г., персонифицируется в выступлениях конкретных участников конгресса, и если читатель обратится к сравнительному анализу этих двух статей, то без труда убедится, насколько адекватной была реконструкция общей «расстановки сил» в современной философии в статье, напечатанной за несколько месяцев до конгресса.

Обзорные статьи А. С. Богомолова вообще заслуживают особого упоминания и даже особого анализа. Это отнюдь не просто заметки очевидца или очерки «научного туриста». Совсем напротив! Короткие, точные характеристики многочисленных докладов, их тематическая классификация, оценка позиции авторов, не говоря уже о четко сформулированной позиции самого автора обзора дают читателю весьма полную картину события в мировой философской жизни, и именно как «существенного явления». В этой же связи мы хотели бы отослать читателя к статье «„Наука логики“ Гегеля и современные проблемы диалектики» (Вопр. философии. 1981. № 2).

Некоторые из статей А. С. Богомолова могут быть представлены и как заявки на дальнейшие общие темы исследования. Такова, на наш взгляд, статья «Проблема абстрактного и конкретного: от Канта к Гегелю» (Вопр. философии. 1982. № 7). Все отмеченные выше черты поздних трудов А. С. Богомолова в полной мере присущи этой статье: широчайшая историко-философская эрудиция, умение четко формулировать тему, основательность аргументации. И самое главное — тема статьи пред-

[12] Там же. С. 108.
[13] Там же. С. 110.

стает как набросок картины развития фундаментальной философской проблемы, за которой стоит мысль автора — выявить существенную закономерность развития философской мысли в один из ключевых периодов ее истории.

«...Интенсификация философского развития,— пишет А. С. Богомолов,— связана, во-первых, с социальными факторами; во-вторых, с развитием конкретно-научного знания как высшим — с точки зрения перспектив философии — выражением прогресса культуры; и, в-третьих, с постановкой в философском учении кардинальных внутренних проблем философской науки» [14].

И вновь методологическим ключом историко-философского анализа выступает для автора материалистическая диалектика: диалектическая противоречивость философского учения, отражающая противоречия эпохи, рассматривается им как имманентная движущая сила прогресса философской мысли. Отсюда и тема статьи — диалектика абстрактного и конкретного в процессе поступательного развития от Канта к Гегелю. И вновь дается не только историко-философская реконструкция движения мысли немецкой классической философии: вторым планом (в определенном отношении не менее важным, чем главная тема) проходит материалистическое истолкование этого движения философской мысли: анализ одного из основных гносеологических корней идеалистической диалектики Канта и Гегеля — практической активности социального субъекта.

А. С. Богомолов демонстрирует *разные возможности* движения мысли, инициированного Кантом, и прежде всего возможность утраты «перспективы теоретико-познавательного плана — восхождения от абстрактного к конкретному» [15], что и произошло в учении Фихте, не различавшего, в отличие от Канта, «образа» и «схемы», равно трактуя и то и другое как «знание». Иной путь избрал Шеллинг, понимая абсолют как «тождество бытия и мышления, объективного и субъективного, реального и идеального, всеобщего и особенного» [16]. Гегель, в свою очередь, истолковав эти моменты как относительные, как диалектически-противоречивые, в своей философии воплощает «итог и сумму того движения, которое инициировал и начал Кант,— осмысление конкретности познания, достигаемого в ходе развития мысли от абстрактного к конкретному» [17]. К сожалению, детального развития этот раздел историко-философских исследований А. С. Богомолова уже не получил.

Последние годы жизни А. С. Богомолов все более интенсивно и плодотворно занимался разработкой общих проблем материалистической гносеологии и социологии. Еще в 1975 г. в журнале «Социологические исследования» появилась его статья «Опредмечивание, ценности и социологическое познание», где упор сде-

[14] Там же. 1982. № 7. С. 142.
[15] Там же. С. 148.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 150.

лан на анализ процесса опредмечивания общественных отношений в социальных структурах. Рассматривается и важная методологическая проблема — как ученому, изучающему социальное поведение, следует учитывать, с одной стороны, ценностные установки людей, действия которых он изучает, а с другой — воздействие ценностей на него самого как субъекта познания. Собственно, для ответа на эти вопросы А. С. Богомолову и нужно было понимание механизма опредмечивания общественных отношений в социальных институтах. В результате он убедительно показывает, что ценности, вовсе не образуют особого мира, а также не коренятся в «природе человека»; ценности входят в саму структуру опредмеченного общественного отношения и предстают «своеобразным зеркалом», отражающим в данной «вещи» социальную природу человека [18]. Конечно, А. С. Богомолов и в этой статье остается и историком философии, и идеологическим борцом — позитивное решение используется как орудие критики взглядов французского католического социолога Э. Каррье, концепции «легитимизации» социальных институтов, развитой Райтом Миллсом, П. Бергером и Т. Лакменом.

Органическую связь позитивных философских (прежде всего методологических) разработок А. С. Богомолова с историко-философским исследованием великолепно демонстрирует книга, написанная им совместно с акад. Т. И. Ойзерманом, «Основы теории историко-философского процесса» (1983). Появление этой книги можно считать событием первостепенной важности в нашей историко-философской науке, поскольку столь всесторонне и глубоко эта важнейшая для историка философии тема доселе исследована не была. В принадлежащих ему главах А. С. Богомолов рассмотрел общие закономерности возникновения философии как особой «формы духовного освоения социального и природного мира», используя многочисленные и малоизвестные первоисточники на пяти языках. Один из интересных выводов, к которому приходит автор, состоит в утверждении, что «даже если взять самый ранний период — период возникновения философии, то уже тогда можно говорить о раздельном существовании философского и конкретно-научного знания» [19].

Нетривиальность этого тезиса, видимо, очевидна для читателя, привыкшего к утверждениям, что частные науки «отпочковались» от их праматери-философии.

Заканчивая наш беглый очерк творческого портрета А. С. Богомолова, нельзя не упомянуть и о тесном единстве его научно-исследовательской и учебно-воспитательной работы, которое находило воплощение в его учебных курсах на философском факультете и других факультетах МГУ, а также в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук. В какой-то

---

[18] Социологические исследования. 1975. № 2. С. 56.

[19] *Богомолов А. С., Ойзерман Т. И.* Основы теории историко-философского процесса. М., 1983. С. 105.

мере итогом самоосмысления этого опыта стали две статьи (вторая посмертная) в журнале «Философские науки» (1983, № 2; № 3) под общим названием «Вопросы критики современной буржуазной философии в учебном курсе». Автор предупреждает от попыток гнаться за последними «новинками» в ущерб критическому анализу «классических» концепций. Он обосновывает необходимость сосредоточить внимание в учебном курсе на *основных тенденциях* буржуазной философии — позитивистской, иррационалистической и религиозно-философской. И потому, несмотря на тот факт, что конкретные течения, наиболее полно выразившие «идеологию» этих тенденций (неопозитивизм, экзистенциализм и неотомизм), находятся в глубоком кризисе и даже не представляются ведущими школами наших дней, исключать их из курса нельзя. По мнению автора, адекватное понимание студентами, к примеру, структурализма, герменевтики или более новых школ буржуазной философии имеет своим условием как раз ясное представление тенденций, своего рода «парадигм» буржуазной философии XX в., которые наиболее четко выразились в «классических» концепциях. «В новейших течениях,— пишет А. С. Богомолов,— происходит объединение, синкретизация размытых и „ослабленных" традиционных „парадигм"» [20].

Трудно не признать полную обоснованность такого вывода и таких практических рекомендаций, как и того факта, что проникновение в наиболее существенные, глубинные характеристики развития философской мысли вообще и буржуазной философской мысли нашего времени в частности является наиболее сильной и привлекательной чертой историко-философских трудов А. С. Богомолова, так рано ушедшего из жизни и так много сделавшего для нашей науки.

[20] Филос. науки. 1983. № 3. С. 142.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ А. С. БОГОМОЛОВА, ИЗДАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков.— М., 1962.— 376 с.

Философия англо-американского неореализма.— М., 1962.— 88 с.

Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма.— М., 1964.— 421 с.

Основные течения современной буржуазной философии.— М., 1969.— Вып. 1.— 95 с.; 1970.— Вып. 2.— 84 с.— Совм. с Ю. К. Мельвилем.

Немецкая буржуазная философия после 1865 г.— М., 1969.— 448 с.

Английская буржуазная философия XX века.— М., 1973.— 317 с.

Буржуазная философия США XX века.— М., 1974.— 343 с.

Диалектический логос: Становление античной диалектики.— М., 1982.— 263 с.

Античная философия.— М., 1985.— 367 с.

Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса.— М., 1983.— Предисловие. В соавт. с Т. И. Ойзерманом; Гл. III.— С. 83—141; Гл. IV.— С. 142—199.

СТАТЬИ И РАЗДЕЛЫ В СБОРНИКАХ

«Летящая стрела» и закон противоречия // Филос. науки.— 1964.— № 6.— С. 149—158.

Идеалистическая диалектика в XX столетии // Вопр. философии.— 1966.— № 3.— С. 98—107.

Существуют ли «конкретно-всеобщие» понятия? // Вестн. МГУ. Сер. философии.— 1968.— № 6.— С. 20—29.

Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Филос. науки.— 1970.— № 3.— С. 66—72.

Философский реализм в XX в. // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия.— 1971.— № 4.— С. 54—61; № 5.— С. 37—47; № 6.— С. 59—68.

Понятие развития в гегелевской логике // Филос. науки.— 1974.— № 4.— С. 91—107.

Опредмечивание, ценности и социологическое познание // Социол. исследования.— 1975.— № 2.— С. 53—61.

Кант и кантианцы.— М., 1978.— Введение.— С. 1—39; Гл. II: Кант, кантианство и европейская философия XX века.— С. 97—154.

Наука и иные формы рациональности // Вопр. философии.— 1979.— № 4.— С. 106—116.

Анаксагор и диалектика // Вопр. философии.— 1977.— № 9.— С. 133—143.

«Наука логики» Гегеля и современные проблемы диалектики // Вопр. философии.— 1981.— № 2.— С. 107—119.

Детерминизм, спонтанность и свобода в философии Демокрита // Вопр. философии.— 1982.— № 3.— С. 119—128.

Проблема абстрактного и конкретного: от Канта к Гегелю // Вопр. философии.— 1982.— № 7.— С. 142—150.